

СПАСТИ КАМЕР-ЮНКЕРА ПУШКИНА.

История одного несостоявшегося подвига.

Пушкина я возненавидел ещё в детстве. Можно сказать, как-то сразу не заладилось. Ещё с детского сада. Помню, сидим мы группой, воспиталка чего-то нам читает. Занудное такое, в стихах. Бу-бу-бу... бу-бу-бу... Не помню, что уж я там сделал. Но только вдруг слышу:

- Питунин! Тебе - что, не интересно?

Мне хоть и пять лет было, но уже понимал, что вопрос с подвохом. Сижу, молчу.

А воспиталка не унимается.

- Питунин! Ты - что, Пушкина не любишь?

Мне бы опять промолчать. А я возьми да и ляпни:

- Не люблю.

Пять лет. Дурак ещё был. Откуда я знал, что не любить Пушкина - нельзя. Это я уже потом узнал, что любимый поэт – Пушкин. Композитор – Чайковский, ну, а художник, естественно, - Репин. Но тогда я ещё этого не знал. Вот и ляпнул.

Воспиталка аж подскочила на месте.

- Питунин... Ты ...ты... Как ты можешь не любить Пушкина? Все любят, а ты... Пошёл в угол! И про подъёмный кран можешь забыть навсегда.

А вот это уже было серьезно.

Машинка - подъёмный кран, была на весь детский сад одна. И из-за неё всё время возникали конфликты. Потому что всем хотелось в неё поиграть. Там было три таких маленьких ручки. Крутишь одну – стрела крана вращается в сторону. Крутишь другую – стрела поднимается или опускается. Крутишь третью – верёвочка начинает наматываться или разматываться. И если на крючок что-нибудь подцепить, то можно по-настоящему поднять какой-нибудь кубик. Или ещё чего...

А если ещё добавить звук. Например, при повороте в сторону делать так: д-жж-ж-ж-жж... А когда вверх-вниз, то: бр-р-р-р-р... А когда верёвочка наматывается, то это уже: тук-тук-тук-тук...

И чтобы мальчишки постоянно не дрались, у нас на эту машинку очередь была на месяц вперед расписана. И надо же! Именно сегодня как раз должна была быть моя очередь.

А я стою в углу!

Все уже Пушкиным насладились. Кто чем занимается. А Соловьёв - его очередь, между прочим, только завтра, - с подъёмным краном специально, гад, напротив меня: д-ж-ж-ж... Бр-р-р-р-.... Вверх-вниз... Тук-тук-тук... Это - груз пошёл. Гад! Гад! Гад!

И так мне обидно стало, что я не выдержал и разревелся. Стою, слёзы текут. А всем почему-то очень весело. Смеются. А Соловьёв ещё пуще: Д-ж-ж-ж-ж-.... Бр-р-р-р-....

И воспиталка... Как же её звали? Сука. Да хрен бы с ней.

- Ну что, Питунин? В следующий раз будешь, как все Пушкина слушать?

Ну и как я после этого должен был относиться к Пушкину?

Вот убили его и правильно сделали! Раньше ещё надо было!

На самом деле могли и раньше.

Чего стоила одна только дуэль с офицером генерального штаба Зубовым. Не понравилось Пушкину, как тот в карты играет. Слово за слово... Кончилось дуэлью.

Помните повесть «Выстрел»?

Ещё фильм был классный с Казаковым и Яковлевым. Там Казаков, ну по повести – Сильвио, - стреляется с Яковлевым. А тот стоит напротив него и черешню ест. Да ещё и косточками плюётся.

Так это Пушкин с себя писал. Это он вот так вот стоял под пистолетом и плевал косточками, когда с Зубовым дрался. Только его противник, в отличие от Сильвио, благородства особенного не проявил и пальнул в Пушкина совсем нешуточно. Чудом не попал. Но не попал.

А что Пушкин?

А ничего.

Поставил своего противника к барьеру, доел не спеша вишню. А потом пальнул в воздух, да и поехал себе домой.

А ведь стрелялись с 12 шагов. Что это значит?

На самом деле барьер не один. Их – два. Скажем, втыкают две сабли на расстоянии 10 шагов. Противники становятся ещё на пять шагов каждый от своего барьера. Потом по сигналу начинают сходитьсь.

Стрелять можно в любой момент после сигнала.

Пушкин, видимо, больше доверял судьбе, чем баллистике гладкоствольного пистолета, которая и впрямь была никудышней. Одному богу известно, куда полетит пуля. Поэтому он никогда первым не стрелял. В этом был свой резон. Тот, за кем оставался выстрел, мог не спеша подойти к барьеру. Потом потребовать, чтобы и ваш противник подошёл вплотную к своему барьеру. И уже после этого, спокойно стрелять с минимального расстояния. С расстояния, на котором даже недостатки баллистики гладкоствольного пистолета вряд ли могли кого-то уберечь.

Но об этом я узнал уже потом, когда пошёл в школу.

У меня день рождения – 31 августа.

Не знаю, почему, но я очень этим гордился. Вот исполнилось мне семь лет, и на следующий день я уже в школе. Какой-то был в этом несвойственный мне свыше порядок. Ни днём раньше, ни днём позже. Кому-то приходится ждать ещё чуть не полгода. Кому-то, наоборот, идти раньше времени. А у меня - вот положено идти в школу в семь лет, - я и пошёл. И почему-то мне казалось, что уже только поэтому у меня в школе всё будет хорошо. Не то, что в детском саду.

Помню первый день. Заходим мы с мамой в школу. Старинное такое большое здание на углу Кировского проспекта, ну, сейчас-то - Каменоостровского, и Скороходова.

Вестибюль. На входе огромный бюст в человеческий рост. Ну, рост семилетнего человека. Весь – чёрный, кудрявый.

Я сначала подумал: Ленин. Потом присмотрелся – нет, не похож. Думаю, кто ж ещё может быть?

А мама говорит: «Ты будешь учиться в 69-й школе имени Александра Сергеевича Пушкина. Бывшем Царскосельском лицее».

Приехали.

Я-то думал с Пушкиным покончено. Что он навсегда остался там, в детском саду. А он - вот он. В мой рост. И здесь за мной увязался.

И понял я, вот сразу как-то почувствовал, что ничего хорошего меня в этой школе не ждёт.

Спрашивается: зачем надо было отправлять меня в 69-ю, когда на одну остановку ближе, на Малой Монетной - 86-я школа, и там почти весь наш дом учится? Вот чего спрашивается мне лишнюю остановку плюхать? Ради Пушкина? Да мне его ещё в детском саду хватило.

Бывший лицей – старинный четырёхэтажный особняк. Длинные коридоры, Лепка. Зеркала. На втором этаже – огромный актовый зал. А в фойе - что-то типа музея. Ну, конечно, про Пушкина. Про кого же ещё?

И вот в первый же день повели нас туда. Наша классная училка битый час: бу-бу-бу... бу-бу-бу... стихи ещё какие-то читала.

Я думаю: это что ж так все десять лет и будет? Вот чего меня в 86-ю не отдали? Смотрю на одной из витрин фотография: пистолеты такие старинные. Я естественно туда. А на что ещё смотреть?

И тут училка:

- Мальчик, тебе что, про Пушкина неинтересно?

Она даже наших фамилий тогда ещё не знала.

Ну, я-то в детский сад всё-таки не зря ходил. Кое-чему научился.

- Нет, - говорю, - интересно.

А эта своё:

- А мне кажется, что нет.

И потом уже ко всем:

- Страшно подумать, что кого-то может оставить равнодушным гибель поэта.

Сказала и на меня с укором так смотрит. И все тоже вслед за ней на меня уставились, как будто я самолично этого Пушкина и пристрелил.

- Неужели, - спрашивает, - тебе совсем не жалко Пушкина?

И что тут ответишь?

Чего его жалеть? Всё равно он бы уже умер. Одни неприятности от него...

- Нет, - говорю, - жалко.

Спасибо детскому саду.

А она так головой покачала. Типа, не верит.

- А мне кажется, тебе следовало бы выбрать другую школу.

Да я это уже и сам понял.

Фойе с музеем практически всегда было закрыто. Но иногда, нет-нет, да удавалось туда заскочить. И тогда я неизменно шёл к картине, на которой был изображён раненый Пушкин, целящийся из пистолета в Дантеса.

Там ещё табличка была:

«Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккеренъ 27-го января 1837 г. рис.

Коверзневъ, грав. Герасимовъ». Ещё с твёрдым знаком на конце.

Я всё никак не мог понять: почему Дантес убил Пушкина, а тот Дантеса нет?

На картине ведь видно, что тот совсем рядом, всего несколько метров. Ну как тут можно промазать?

Мы с моим соседом по парте Дубасовым не раз это обсуждали. И пришли к выводу, что Дантес, конечно же, должен был лучше стрелять, потому что он военный.

Ещё мы спорили: сколько же там между ними было расстояние? По картине выходило метров десять. Может чуть меньше. Даже если и десять.

Мы с Дубасовым специально проверяли, если встать на таком расстоянии, соединить указательный и средний палец, как будто это дуло пистолета, и вытянуть руку по направлению к противнику... Чуть прицелиться... Ну, просто

невозможно промазать. А Пушкин – промазал! Мы с Дубасовым – не промазали, Дантес не промазал, а он - промазал. С десяти метров!

Вот вам и Пушкин... Школу его именем назвали...

На самом деле там было меньше чем десять метров. От силы - семь. Десять шагов, почти по колено в снегу отмеренные секундантом среднего роста...

Максимум - восемь метров.

Расстояние, с которого действительно промахнуться невозможно.

Расстояние – предназначенное для убийства.

Более жёстких условий для дуэли придумать было практически нельзя.

Пушкин к тому времени уже принимал участие в более чем 20 дуэлях. Какие-то заканчивались полюбовно. Какие-то – выстрелами.

Но никогда ещё Пушкину не доводилось никого убивать.

Хотя мог бы.

Самая безумная дуэль была с подполковником Старовым во время Кишиневской ссылки. Спор наиглупейший вышел. На балу. Типа, как сейчас на танцах. Не поделили, что танцевать: мазурку или вальс. И условия были ещё жестче, чем на дуэле с Дантесом. А куда уж жёстче? А вот куда: восемь шагов поставили барьер! И, главное, из-за чего? Мазурку или вальс танцевать!

Пушкин по своему обыкновению – стоит, ждёт.

Полковник стреляет первым. В голову, сволочь, целил. И почти попал.

А Пушкин до своего барьера дошёл. И того заставил тоже вплотную к барьеру стать. Руку с пистолетом вытянул. А там расстояние – от силы пять метров. Можно сказать, чуть не упёрся дулом в башку дурную этого полковника. Тот стоит – ни жив, ни мёртв. Сам-то он целил по-настоящему. И за такой выстрел полагается отвечать тем же. Постоял так Пушкин, погрозил ему пистолетом, а потом пальнул в сторону, да и поехал себе восвояси.

Вот вам и «писака-бумагомарака».

Но мы тогда этого ничего не знали. И в 69-й школе, бывшем Царскосельском лицее им. А.С. Пушкина, нам про это ничего не рассказывали.

Фигне всякой учили... Может так и надо было учить, но только учился я хреново.

Стали вызывать в школу мать. Они с отцом уже к тому времени разошлись, так что мы с сестрой только с мамой жили.

Мама была врачом. Работала на полторы ставки, чтобы больше зарабатывать. Возвращалась домой поздно. Конечно, ей было не до того, сделали мы уроки или нет.

Спросит:

- Уроки сделали?

Что я скажу – «не сделал»? Нет, конечно. Так и учился кое-как... Постепенно привык. Школа, как школа. Уроки, продлёнка...

Где-то в классе втором, училка однажды говорит:

- Надеюсь, все помнят, в школе имени кого вы учитесь?

Забудешь тут.

- Мы решили провести выставку работ рисунков, посвящённых творчеству Пушкина. Младшие классы рисуют что-нибудь по его сказкам.

- Дубасов! - Это моему соседу по парте. - Дубасов, какие сказки Пушкина ты знаешь?

Вот всё-таки мне повезло, что в классе ещё есть Дубасов. Если бы не он, так мне бы одному доставалось. А так – сначала Дубасов. Может, потому что он на «Д», а я в журнале на «П», дальше стою.

Всё легче. Дубасов за это Пушкина ещё больше моего ненавидел. Потом, когда уже ему двойку поставили, Дубасов в сердцах и говорит:
- Вот чего, Дантес не мог Пушкина чуточку раньше пристрелить? Пока он ещё эти сказки не написал?

Хотя у Дубасова не только с Пушкиным проблемы были.

Потом, уже в старших классах, когда мы начали муржить «Муму», училка возьми, да и спроси Дубика:

- Дубасов, а ты бы утопил Муму?

И что тут отвечать?

Вроде как Герасим этот – хороший. И сделал всё правильно. Хотя, конечно, Муму жалко... Короче, решил Дубасов, что правильно будет, как Герасим.

- Да, - говорит.

Не потому что он действительно эту Муму утопить хотел, а так, чтобы училке угодить.

А училка как заорёт:

- Живодёр! Пошёл вон из класса!

Вот и угодил.

Учим дальше эту «Муму». Проходит ещё пару недель. Дубасов немного расслабился. Бдительность потерял. А тут училка возьми, да спроси опять:

- Дубасов, тебе хоть немножко жалко Муму?

- Да, - отвечает. - Жалко.

Вроде правильно ответил.

А она снова как заорёт:

- Врёшь! Пошёл вон из класса!

И вдогонку ещё:

- Живодёр!

А какой он живодёр? У него дома в трёхлитровой банке хомяк живёт. И Дубик за ним ухаживает. Семечки ему покупает. Пять копеек маленький стаканчик, десять – большой. Только на большой никогда денег не хватает. Сам не ест, хотя и очень хочется. Всё хомяку. Ну и какой он после этого живодёр?

Но это потом уже было, через несколько лет. А тогда посадили всех рисовать сказки эти. А с рисованием у меня - полный облом. Даже ещё хуже, чем с математикой. Это притом, что с математикой у меня - хуже некуда. Ну не дано. Смотрю, все сидят, что-то рисуют.

Кто - золотую рыбку, кто - Руслана с Людмилой. Но это больше девчонки. И стал я думать: как бы так нарисовать, чтобы при этом поменьше нарисовать. Думал, думал...

Придумал.

Нарисовал холмик такой. На нём крест. На кресте – табличка. А на табличке написал – «Поп».

Потом осмелел и нарисовал рядом мужика. По принципу: палка, палка, огуречик... И рядом с его ртом пририсовал такой кружок, как рисуют в карикатурах, как вроде он говорит что-то, - и там написал: «ХА-ХА-ХА!» Вроде, как он смеётся.

Если честно, мне понравилось. И Дубасову тоже.

Почему-то я решил, что это и училке нашей непременно должно понравиться. Даже размечтался, как мой рисунок в фойе, где музей, выставят. Дубасов ещё предложил: давай, мол, побольше крестов и могил нарисуем. Как будто он не одного, а много попов замочил. Но я подумал, что это уже будет лишнее. В сказке всё-таки только про одного попа..

Сдали мы работы. Я, не поверите, первый раз за два года ждал следующего урока.

Дождался.

- Питунин! Это что за сказка?

Что тут не понятного?

- Про попа, - говорю. - И его работника, Балду.

- И где здесь поп? - спрашивает.

- Умер, - говорю, - уже. Это как бы после третьего щелчка.

Сказал и подумал: хорошее название для картины - «После третьего щелчка». Сейчас бы я уже, конечно, сформулировал по-другому - «эпилог».

- Там же Поп умирает...

- А это что? - дуру из себя строит. - А что это за - «Ха-Ха-Ха»?

- Радуетя, - говорю.

- Чему?

- Наверное, что попа убил, - отвечаю.

И ведь не отстаёт.

- А что тут смешного?

А я почём знаю? Что я - Пушкин?

- Что я - Пушкин? - спрашиваю.

Обидно мне стало.

Зря я, конечно, так сказал. Зря. Даже Дубасов понял, что зря. Толкнул меня, да уже поздно.

Началось...

Да как ты смеешь... Имя Пушкина... Ничего святого... Прав был Дубасов. Чего его Дантес раньше не кончил? Короче, выгнали меня из класса.

- Иди, - говорит, - покажи своё художество завучу.

Вот слоняюсь я со своим «художеством» по коридорам. Что я - дурак, к завучу идти? Болтаюсь, короче, по коридорам, а там - Сека с Витьком. Один - второгодник, а другой - просто дебил. Но, здоровенный. Хорошо ему. Если ты - здоровенный, так можно и дебиллом.

Меня увидели - обрадовались:

- О! Пит, ты чё здесь?

- Да вот, - говорю, - выгнали.

Смотрю, глядят с уважением. Рисунок посмотрели. Одобрили. Хороший, говорят, рисунок.

- Дура она, - говорят.

Да я и сам знаю. А что толку? Но всё равно приятно, что кому-то понравилось. Сека даже предложил:

- Давай, в трясучку по копеечке сыграем.

Типа, в компанию они меня берут. Ну как тут откажешься?

Вот, как он так трясёт, что ни разу угадать невозможно!

Короче, проиграл я десять копеек. А больше и не было. Это сейчас десять копеек кажется - фигня. А тогда...

Если с умом потратить...

Например, можно было купить фруктовое мороженое это - семь копеек и оставалось ещё три копейки на газировку с сиропом. А если взять газировку без сиропа, то тогда ещё оставалось на один выстрел из воздушки в тире. Это - две копейки.

Или, даже лучше, - два раза выстрелить в тире из воздушки, это - 4 копейки. За пять копеек купить маленький стаканчик семечек и ещё оставалась копейка на стакан газировки без сиропа. Или вот ещё: купить коржик с глазурью за семь копеек...

Да мало ли как можно было потратить десять копеек? Да только не было у меня уже десяти копеек. А кто, спрашивается, виноват, что остался я без десяти копеек? Как ни крути, а - Пушкин. Из-за него же меня выгнали. Прав был Дубик: чего его раньше не убили?

А, кстати, когда он написал свои сказки?

А не убили его раньше, потому что так ему было на роду написано. На полном серьёзе.

Как-то ещё по молодости, почти сразу после лицея, пошёл Пушкин со своим приятелем, неким капитаном Измайловского полка, к гадалке.

А та возьми, да и нагадай Пушкину погибель через «белого человека». А дружку его, капитану, - вообще скорую смерть, прямо на днях. В двадцать лет, кто такую фигню всерьёз воспринимает? Ну, приколотись. Оттянулись. Позабавились. Посмеялись, да и забыли...

Может так бы оно и вышло, да только буквально на следующий день дружка Пушкинского, капитана этого, какой-то солдатик штыком приколот. Насмерть.

Вот вам и развлеклись.

Тут поневоле, во что хочешь поверишь и суеверным станешь.

А сказано, между прочим, было: «и проживет долго, если на 37-м году жизни не случится с ним беды от белого человека, белой головы или белой лошади».

Потому никого и не боялся.

Потому и стоял спокойно под пулями. Знал: ещё не время.

А «Белый человек» появился в Петербурге 11 октября 1833 года.

Вообще-то, правильно говорить: д'Антес. Как д'Артаньян. Ну да это не важно.

Вот чего, спрашивается, его принесло в Россию?

Да он и не собирался. Ему главное было унести ноги из Франции. Всё «непосильно нажитое» у его семейки во время революций отобрали. И болтался он по Европе, искал, куда бы пристроится.

При дворе прусского принца Вильгельма с грехом пополам выклянчил чин унтер-офицера. Только одно название, что чин. Да он уже и на это был согласен. Но только и туда ещё надо было доехать. А не на что! Совсем поиздержался в дороге. Застрял, что наш Хлестаков, в каком-то уездном трактире без всякой надежды расплатиться.

И вот тут начинается для него счастливая череда событий. В Россию тем же временем возвращался голландский посол, некий барон Геккерен. И надо же так случиться, что ломается у него колесо кареты как раз неподалёку от того самого трактира.

Судьба!

Так и познакомились. Познакомились и так друг дружке понравились, что старик барон берёт молодого Дантеса и везёт с собой в Петербург.

Там - больше. Усыновляет. Делает наследником титула и всего состояния. Вводит в свет. Представляет императору. А тот, недолго думая, назначает его в гвардию.

О-ба-на!

Вся гвардия стоит на ушах!

Какого-то французишку - в гвардию. Так, ни за здорово живёшь!

Ещё вчера - и унтер-офицером был рад пристроиться. Это же вообще ничего. Хуже прапора. Только портянки на складе выдавать. А тут - на тебе, Гвардейский офицер, поручик Кавалергардского полка!

Остаётся только добавить, что форма у них была белого цвета, и ездили они в полку на белых лошадях. Да и сам он был - блондин.

Вот всё и сошлось. Всё, как предписано. Знала гадалка своё дело.

А Пушкин? Он что, забыл: чего ему нагадали? У него что, с памятью плохо было? Типа, как у меня?

У меня так – вообще всегда с памятью были проблемы. И самое страшное, даже хуже математики, это было учить тексты. А поскольку, мы учились в 69-й имени Пушкина, то там почему-то решили, что мы чуть не всего его должны наизусть знать.

Козлы!

Мама, она у меня врач, говорит, что это из-за того что у меня было сотрясения мозга.

Играли мы как-то в пожарников. Дело было зимой. У нас во дворе горка стояла. Высокая. Метра три. Так вот я оттуда умудрился головой вниз свалиться. Там с одной стороны перил не было. А я забыл, что их нет. Облокотился. А перил-то - нет. Ну и полетел три метра вниз головой. Хорошо, там ещё немножко снега внизу было. Но приложился крепко. Зато потом две недели дома сидел. Если честно, я бы так согласился каждые две недели вниз головой летать, только чтобы потом в детский сад не ходить.

Не знаю, это или что другое, но только тексты наизусть мне действительно давались трудно.

Правда, не все.

Вот ведь какая странность. Скажем, поют старшие во дворе какую-нибудь пахабень. Типа:

«Ах, Зоя, кому давала стоя?»

Или про курву с котелком, что пешком по шпалам... И прочее...

И ведь прилипает без всякой зубрёжки. И два сотрясения мозга не помеха.

А начнёшь зубрить Пушкина...

Хотя, опять-таки, что ещё за Пушкин. У нас во дворе того же «Евгения Онегина» все на зубок знали. Правда, в несколько другой редакции. И ведь никто специально не учил. Жаль привести пример нельзя. Так сказать, не для публичного исполнения.

Переделывали у нас во дворе всё, что угодно. Ну и Пушкину, конечно, больше всех доставалось. На то он и - «наше всё».

Иногда получалось смешно. Иногда – похабно. Он, кстати, и сам был на это мастер. Но это я уже потом узнал, когда вырос. И, разумеется, не в 69-й школе. Но чаще всё-таки смешно.

Мне больше всего «Лукоморье» нравилось.

*«У Лукоморья дуб срубили,
Златую цепь в музей снесли,
Кота в зверятник запустили,
Русалку в бочку посадили
И написали «Огурцы» .*

Или там же:

*«Там на неведомых дорожках
Скелеты бродят в босоножках... »*

А смешнее всего про Черномора:

*«Там тридцать три богатыря
В помойке ищут 3 рубля,
А их любимый Черномор
Вчера у них полтинник спер...»*

Нам с Дубасовым нравилось. Да и не только нам.

Вот чего только не переделывали! Тогда как раз всякая музыка из за кордона стала до нас доходить. «Битлс», ну и всякое такое.... Английского, конечно, никто толком не знал. Ну что мы там учили?

Май нейм из... Айм – пайния... и прочую хрень.

А петь то хотелось. Вот и переделывали.

Круче всего повезло «Шизгари», которые - «Shocking Blue».

Там ещё вступление такое классное: «Ту-ту ту-ту, ту-ту ту-ту...» Ре минор – соль мажор, ре минор – соль мажор, ду-ду-ду-ду - ля септ. А потом надо все струны отпустить и только одну пустую, пятую – ля - со всей силы оттянуть... Бемс! И пошло:

*«Я после пьянки очень злой,
Я после пьянки сам не свой.
Хотел бы очень выпить я,
Но нету денег у меня».
Хабарик! Я нашёл хабарик!
Он валялся в туалете, на газете».*

Ре минор – соль мажор, ду-ду-ду-ду... - Ля септ. И опять по пятой пустой Ля со всей силы – Бемс!

Большой был репертуар. И ведь никто не заставлял специально учить, но все знали. Вот почему Пушкин так не учится? В смысле, тот, настоящий Пушкин, которого в школе.

Добрались мы с грехом пополам до «Евгения Онегина». Конечно, сразу наизусть дают учить. Первые пять глав. Дубасов так даже и не пытался. А я решил попробовать. Честно ходил с книжкой: бу-бу-бу... бу-бу-бу... Учил. Старался. Сам себя проверял. Вроде, получается. Решил показать Дубасову. Сунул ему книжку.

- Проверь, - говорю.

Надо было видеть, какими глазами смотрел на меня Дубасов.

- Чё, - спрашивает. Все пять?

- Пока две, - говорю.

И вот стою я, хочу начать и вдруг понимаю, что не могу. Нет, конечно, первые строчки помню. Кто ж их не знает. А там, дальше... Руки почему-то вспотели... И Дубасов ещё на меня уставился...

Дубасов говорит:

- Ты начни, а там само пойдёт...

Ни фиги.

Дубасов мне потом говорит:

- Да наплюй ты. Может, не вызовут.

Но, конечно, вызвали.

Стою, потею.

Училка хищно смотрит. Скалится. Но для приличия ждёт. А может, просто поиздеваться решила.

А я стою, и у меня в голове только вот эта – дворовая переделка. И ни как от неё не избавится. Как же там, думаю, у Пушкина?

- Ну, - подсказывает. Училка. – Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог... ну...

А у меня в голове только одно продолжение: «Кобыле - так с утра заправил, что дворник вытащить не мог...» И ни в какую уйти от этих строчек не могу. А дальше там и того хуже. Но не буду, же я это ей читать. Даже трудно представить, что с ней будет. Хотя... Она же местная, с Петроградской. Здесь и выросла. А раз так, то не может не знать... У нас все знают. И девчонки, и мальчишки. Да толку, что знает...

Короче, двойка. Вызов родителей в школу.

У меня всех родителей – одна мама. Жалко её. Себя жалко. Дубасова жалко... Всех жалко, кроме Пушкина.

Мама начинает опять рассказывать про моё сотрясение мозга. На жалость хочет взять.

Да не на ту напала.

Тогда мама говорит:

- Может ему в виде исключения, раз у него такие проблемы с памятью, вместо того, чтобы учить наизусть, переписать этот текст от руки в тетрадку. Заодно может чего и запомнит?

Я в ужасе смотрю на маму. Это что же, всего «Евгения Онегина» в тетрадку? Это сколько же тетрадок надо?

А эта, смотрю, заинтересовалась. Глаза так хищно загорелись. Короче, сторговались на двух главах. Сука!

И вот, как сейчас помню: сижу я, переписываю этого долбанного «Онегина». Переписываю, переписываю, переписываю... И понимаю, что так люто, как этого Пушкина я ещё никогда никого не ненавидел. Что ненавижу его больше чем Секу с Витьком, когда они у меня двадцать копеек отнимали, больше, чем Гитлера, больше, чем Каплан, которая Ленина убила, больше чем... Больше чем... Сука! Убил бы своей рукой!

Пушкина, вообще-то, ненавидели многие.

Может, оно и было за что. Может больше завидовали. Хотя чему там особенно завидовать?

Это сейчас мы знаем. Что он гений, и что он - наше всё. А тогда мало кто об этом догадывался.

Ни ростом, ни лицом, ни чином – особенно не вышел.

В тридцать с лишним лет - камер-юнкер. Это же стыдно кому сказать. Самый нижний придворный чин. Да и ясно было всем, что не за заслуги перед отечеством и русской словесностью чин этот дали. А ради жены. Чтобы имела возможность дворцовые балы посещать. Женскую красоту при дворе ценить умели.

И судя по всему, там было на что посмотреть.

Ничего не скажешь, хороша была Наталья Николаевна. И в шахматы играет. И всё остальное при ней...

Хотя, с другой стороны посмотреть - тот ещё брак. Наталья Николаевна ведь по большому счёту - бесприданница. И сидеть бы ей при всей своей красоте и талантах в девках, кабы не Пушкин, который заплатил своих одиннадцать тысяч в качестве приданного. А в придачу ещё получил двух сестёр, которые быстренько перебрались в Петербург на его квартиру.

Устроил себе коммуналку. Вот это я совсем понять не могу.

У нас на весь класс только я один и жил в отдельной квартире. Все остальные в коммуналках.

Потому что это - Петроградская. Почти половина класса жила в доме 26 дробь 28, что напротив школы. Это только название, что один дом. На самом деле там целый лабиринт из домов и проходных дворов. Входишь на Кировском, а выходишь метров через двести на Кронверкской. Вот такой вот домик.

И что не квартира – коммуналка.

Правда, говорят, что одна отдельная квартира там всё-таки была. Ходили слухи, что в этом доме жил Райкин. Вот у него-то и была отдельная квартира. Но это только так говорили. А живём его там никто никогда не видел. Может и врут.

В нашем доме не было коммуналок, потому что он был почти новый. Его построил завод, на котором работал мой отец.

Место для нового дома на Петроградской найти не просто. Там уже лет сто как всё застроено. Но вот нашли. В самом конце Рентгена, там, где улица упирается в набережную Карповки и Большой Невки. Последний дом по улице. Не бог весть что, но зато у всех отдельные квартиры. Почти, как у Райкина.

И вот, нате вам! Пушкин, оказывается, тоже в коммуналке жил. В наше время это называлось: семейной коммуналкой. Это - когда все родственнички.

Кстати, Пушкин с Дантесом на момент дуэли тоже ведь уже были родственники. На родных сёстрах женаты. Только в гробу Пушкин таких родственничков видал. Причём, в самом прямом смысле.

Ну да – бог с ними. Сейчас бы сказали: «бытовуха». Дел-то: один родственничек другого пристрелил. И никаких тебе загадок литературоведения.

А у нас с Дубиком тогда и без Пушкина своих проблем хватало. И чем дальше, тем хуже.

Доучились мы с ним кое-как до восьмого класса. Чувствую, больше сил моих нет. Вот мне где уже эта 69-я школа имени А. С. Пушкина.

- Давай, - говорю Дубику, - после восьмого класса в какой-нибудь техникум свалим.

Тогда можно было после восьмого уйти из школы либо в техникум, либо в ПТУ.

Дубасов говорит:

- Нет. В техникум - надо экзамены сдавать. Сочинение писать... Я лучше в ПТУ. Туда без экзаменов берут.

Вот до чего, сволочи, парня довели. Сочинение боялся написать. Он же чего не напишет, ему обязательно двойку поставят. Ну как с этим жить?

Короче, разошлись наши с ним пути.

Купил я книжку: «Среднетехнические учебные заведения» ну тогда ещё - Ленинграда.

До хрена!

Чему только не учат! Думаю: чего б такое выбрать, чтоб там поменьше математики было и без Пушкина... Ну, чтобы полегче учиться. Листал. листал...

О! Смотрю – «Кинотехникум».

И сразу он как-то мне приглянулся. В смысле, название понравилось. Кино... Уже хорошо. Можно, значит, будет бесплатно все фильмы смотреть. Парень у нас во дворе один был, кинотехником работал. Так с ним все девчонки хотели дружить, потому что он мог, кого угодно в кино бесплатно пропустить.

Класс!

Туда и подался. Зря Дубик со мной не пошёл. Экзамен – фуфло одно. Никто эти сочинения, похоже, и не читал.

Занятия начались. Переменка. Все стоят – курят. В открытую. Никто не шухерится. Потому что ты уже не школьник, а – студент. И даже стипендия тебе положена. Двадцать рублей. Обалдеть! Это вам не десять копеек. Тут даже и не поймёшь: как и на что такие деньжищи потратить. Двадцать рублей! Это ж сколько раз можно в тире из воздушки выстрелить?

Я тогда не курил, но из принципа постоял со всеми с сигаретой. Типа - взрослый.

И с девчонками как-то сразу всё по-другому. Тоже, вроде как, - повзрослому. Не школьник уже.

Школу даже не вспоминаю. Как будто и не было этих лет. И школы этой 69-й не было. И Пушкина...

Только Пушкин очень скоро о себе напомнил.

Чего там было? Праздник какой-то... Танцы...

Короче, познакомился с девчонкой из параллельной группы. Как же её звали? Не важно. Провожая. Где-то присели по дороге. Ну, я сначала потихоньку так руками полез. Вроде не возражает. Я – дальше. Потом – ещё. Так далеко - вообще никогда в жизни не забирался. Ё- моё! Сердце колотится. Вспотел весь. Неужели, думаю, сейчас получится? Неужели даст? И руками вовсю шурю... Мамочка! Неужто сейчас всё и произойдёт?

И вдруг чувствую: напряглась как-то...

Говорит чего-то. Я сначала и не разобрал. Мне-то не до того... Рукой в какие-то крючки на спине упёрся. Чё за крючки такие... И никак с ними не совладать...

Но она как-то так потихоньку отстраняется, и слышу сквозь биение пульса, вроде как чего-то спрашивает.

- А ты, - спрашивает, - какие-нибудь стихи про любовь знаешь?

Какие ещё на хрен стихи? С меня пот градом течёт. Трясёт всего. Крючки ещё эти... Как они их расстёгивают? А она про стихи какие-то...

- Чё? – спрашиваю. А сам руками продолжаю шуровать.

А она своё:

- Ну ты какие-нибудь стихи про любовь знаешь?

И чувствую – напряглась как-то. Отодвигается. Уходит из под рук. Ускользает.

Какие, на хрен, про любовь? В голове фигня одна:

«Ах, Зоя! Кому давала стоя...» «А я, как курва с котелком...» «Хабарик...»

Короче - дурь всякая. Ничего подходящего случаю. Вот чего ей приспичило? Руками то ещё пытаюсь своё не упустить, да только чувствую – поздно. Ушёл поезд. Отодвинулась.

- Что, - говорит, - вы за козлы такие?

- Ты чего, - спрашивает, - даже Пушкина не читал?

Приехали.

Опять Пушкин. И чего он ей дался? Короче, ничего у меня в тот раз так и не вышло.

И кого тут винить? Себя? Пушкина? А может крючки эти?

Но кое-какие выводы я для себя сделал. На всякий такой случай, на будущее, решил подстраховаться.

Пошёл в библиотеку. Взял любовную лирику Пушкина. И, не смотря на свои два сотрясения, но пару стихотворений вызубрил. Крепко так вызубрил. Не на оценку учил. Для дела старался. Очень надеялся, что рано или поздно пригодится.

Ждать, правда, пришлось долго.

Так незаметно и техникум закончил.

Чему-то научили. Да только - кому это нужно? Всё равно через месяц-два в армию.

И тут я познакомился с отпадной девчонкой. И имя редкое такое – Лера. Я всё хотел спросить: а как это будет полное имя? Ну, в смысле, если с отчеством. Элвира, что-ли? Так и не спросил. Если честно, до сих пор не знаю. Лера и Лера...

На худграфе училась. Типа, художница. Старше меня года на два была, а может и больше. Ну да мне это было пофиг.

Жила на Чёрной речке. Для меня так очень даже удачно. Ведь Петроградская это – остров. Кругом мосты. А что это значит?

А это значит, что если ты провожаешь девчонку, которая живёт на другом берегу Невы, то - всё. Кранты. Стой потом, жди, когда мосты сведут, чтобы домой попасть. И стоял. И ждал. А что делать? А мне даже нравилось. Стоишь, смотришь, как корабли всякие мимо проплывают. В основном «Волго-Балт». Типа - «река-море». Белые ночи. Мосты сводят-разводят. Красиво.

Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса...

Это, кстати, Пушкин. Точнее и не скажешь. Это он правильно подметил. Запомнилось как-то. А ведь это как раз учить не надо было. Не по программе. А вот, гляди-ка, запомнилось.

Но с Лерой мне как раз повезло: она жила на Чёрной речке. Это через Ушаковский мост, Большая Невка. А он почти никогда не разводился.

Вот провожаю я её как-то. Отношения у нас ещё - никакие. Так... обняться на прощание. Ну, поцеловаться... Не более. Но я надежды не теряю. Хожу. Провожая.

Жила она на Матроса Железняка, как раз за сквером, где ещё памятник на месте дуэли Пушкина. И вот проходим мы как-то мимо этого сквера, а она мне и говорит:

- Здесь Пушкина убили.

Ну, я-то не зря в 69-й учился. Нас сюда водили и не раз. Чаще только в музей революции.

- Знаю, - говорю. - 27 января 1837 года. Тогда ещё мороз был минус пятнадцать и ветер...

Она на меня так с уважением посмотрела.

- Пушкина, - спрашивает, - любишь?

Я так сразу напрягся. Хорошего-то я от него ещё ничего не видел. Одни неприятности.

Хмыкнул так чего-то неопределённо. Получилось, вроде как – люблю.

Присели на скамейку.

Я руками потихоньку полез. Сидим как раз напротив этой стелы, ну где дуэль была.

Леера возьми и скажи:

- А как же так получилось, что его никто не спас? Да погоди ты...

Это она уже мне. Ну чтоб я, типа, руками не очень... А чего ещё делать? О Пушкине, что ли говорить? По мне так его ещё бы в лицее грохнули. Или даже раньше... Но - молчу. Киваю.

А Лера не понимает.

- Я, - говорит, - всё думаю: а вот если вдруг оказаться там, в девятнадцатом веке. Вот можно было бы спасти Пушкина?

- Ну, - говорю, - можно было бы Дантеса ещё раньше вместо Пушкина на дуэль вызвать.

И вижу: правильно, хорошо сказал.

- Но он же, - говорит, - тебя мог убить, как Пушкина.

И смотрит на меня, уже как-то совсем по-другому... Хорошо так смотрит. Вот оно - покатило.

Головой только так мотнул. Мол, чего не сделаешь ради Пушкина. И чувствую: момент пришёл. Ну не зря же я любовную лирику долбил. Ну и выдал.

*«Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает.
Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце не питал
Ты сокровенное мечтанье, –
Но, встретясь с ней,
смущенный ты,
Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты».*

Отбарабанил без единой запинки. Слышала бы меня училка. Прослезилась бы, сука.

Но только это – не по программе. Может и не по программе, но, смотрю, в точку. Повело мою Леру. Дуры всё-таки девчонки... Смотрит на меня. Хорошо так смотрит. Я опять под шумок руками полез. Губами тычусь. А тут Лера и говорит.

- Дай-ка я тебя поцелую.

Обняла меня, как девушку, и как поцелует...

Мама! У меня аж ноги подкосились! Господи, думаю. Так вот оно как бывает? А сам уже ничего и не соображаю. Поплыл. Только Лерины глаза... Белые ночи... Пушкин...

Сложилось всё. И хорошо как...

И началась у нас с Лерой вроде, как игра такая: стали мы придумывать - как можно было бы Пушкина спасти.

Мне-то - пофиг этот Пушкин. Сколько горя мы через него с Дубасовым приняли. Но за этот Лерин поцелуй я был готов спасти кого угодно: хоть Пушкина, хоть Лермонтова....

Сидели мы часами на этой скамейке напротив места дуэли и придумывали различные планы спасения.

Время у меня тогда было полно. Техникум я уже кончил. В армию ещё не взяли. Вечера и ночи с Лерой на скамейке. А днём - в библиотеку. Читаю: что же там всё-таки произошло?

Сначала казалось всё просто: нет Дантеса – нет проблемы. Пришить его нахрен. Вызвать на дуэль. Взять Дубика в секунданты...

Но это только на первый взгляд.

Это – если дело в Дантесе.

Да и непонятно, как его вызвать. Он же только по-французски. Ну, ещё по-немецки. А мы с Дубиком с грехом пополам по-английски. Айм – пайныя... Ху из дьютитудэй? Вот, пожалуй, и всё.

Получается - языковой барьер. Да и социальный. Не будет со мной Дантес стреляться. Даже и разговаривать не будет.

И чего здесь придумать?

Но всё-таки кое-что придумать удалось.

Известно, что Пушкин был страшно суеверным. В приметы верил. Был случай: совсем он уже было намылился из ссылки в Михайловском к друзьям своим в Петербург. Едет в санях, а тут – заяц через дорогу. Очень плохая это примета. Пушкин взял и обратно повернул. И правильно сделал. А то оказался бы с друзьями сначала на Сенатской площади, а потом и «во глубине сибирских руд».

Вот я придумал: когда они будут с Данзасом ехать на Чёрную речку, пустить ему через дорогу косога. Пусть перебежит дорогу. Ну не сможет Пушкин не повернуть! Тогда ведь, в 25-ом году, повернул.

Или можно попом переодеться. Поп – тоже плохая примета. Встать на обочине. Типа, тремп прошу. Небошь, шарахнется ещё почище, чем от зайца...

Лере понравилось.

Читаю дальше. Меня уже все старушки библиотечарши узнают. Здравуются. Думают, наверное, что я диссертацию про Пушкина пишу. А я и впрямь начитал - на две диссертации хватит. И чем больше читаю, тем больше понимаю, спасти-то можно, только непонятно от кого.

От Дантеса это – проще простого.

Можно, например, было бы расстроить его встречу с бароном. Ну, когда он сидел в этом своём трактире без денег. Заявиться туда русским путешественником. Наше вам.. Моя твоя не понимает... Не желаете ли перекинуться в картишки? Гибен зе бите... Да и проиграть ему сколько не жалко. Чтобы хватило на дорогу. Пусть себе катиться ко двору принца Вильгельма. Унтер офицером. Ауфидерзейн!

Геккерен со своим сломанным колесом прикатит, а Дантеса уже и след простыл. Не встретились. Не судьба. Вот и не т никакого 27 января.

Лере понравилось.

Хотя, потом я уже сообразил, дешевле было бы Геккерену колесо починить. Наверное, не сложнее кинопроектора. Уж как-нибудь бы справился. И всё. Гудбай трактир, где я не буду никогда... И хрен с ним с Дантесом, пусть сидит в этой харчевне.

Но это, если дело в Дантесе...

А если нет?

А кто же ещё?

А оказывается – до фига кому Пушкин не нравился. Оказывается, не одни мы такие с Дубасовым.

А ещё масоны. Была и такая версия. Поговаривают, что граф Нессельроде, тогдашний министр иностранных дел, - чуть ли не самым главным масоном и был. И пасквиль тот анонимный, из-за которого потом стреляться пришлось, - ни где-нибудь, а в салоне его жены был сочинён. В компании таких же дружков масонов.

А то и того хуже...

Я сначала не понял. Читаю: «в то время в высшем свете было развито бугрство». «Асты» какие-то...

Я ещё по наивности подумал, что это какое-то вольнодумное сообщество. Вольтерьянцы какие-нибудь... карбонарии...

А потом вдруг у князя Трубецкого читаю:

«И за ним водились шалости... Не знаю, как сказать: он ли жил с Геккереном или Геккерен жил с ним...».

Вот тебе и вольтерианец!

Пидарас он был. И папаша его приёмный, барон – такой же. Пидарасов целая семейка! Вот вам и вся тайна столь быстро возникшей симпатии.

И что же получается? А получается, что Пушкина, который «наше всё» - погубили голубые. Потому что Пушкин их не любил. И даже эпиграммы на их счёт писал и не одну.

Вот они ему и отомстили.

И так, уже как минимум две версии: масоны и голубые.

А ещё – школьная. Типа, царь. Хотя, это, конечно, вряд ли.

А ещё Идалия Полетика... Это - вообще отдельный разговор.

А чего Дантес тогда с его женой, если он голубой? Или он бисексуал? В смысле, ему всё равно кого и как.

Или он это так с Наташкой, для отвода глаз. Вроде ширмы была для него Наталья Николаевна. Опять-таки, от чего и от кого ширма? Чтобы связь свою с бароном прикрыть? А может с другой женщиной, например, с Идалией? А зачем тогда женился на её сестре, Екатерине? Чтобы первой дуэли избежать? Или - наоборот: хотел в дом вкрасться?

И чем больше читаешь, тем больше не понятно: а от кого спасать-то?

От пидарасов? От масонов? От Царя? От Идалии Полетика? Знать бы точно: как там и что... Совсем у меня голова кругом пошла от всех этих хитросплетений. Даже во сне Пушкин снился.

Если бы только Пушкин.

А тут на днях мне такой сон приснился... Хорошо ещё что сон.

Встречают меня Сека с Витьком.

Я уже про них и думать забыл, а тут – на тебе! Приснились.

Двор какой-то проходной. А других в нашем районе практически и не было. И Сека мне:

- Пит, ты чё, совсем дурак? Ты чё, взаправду Пушкина, типа, спасти собрался?

Вот как они узнали?

- А чего такого, - говорю.

- Ты чё, совсем... Он сколько уже всего понаписал? Нам и этого за всю жизнь не выучить. А, если ты его того... Так он сколько ещё всего понапишет?

- Тебе-то, - говорю, - не всё равно? Один хрен ты ничего не учишь.

А он:

- Я может за других...

И тут Витёк:

- Слышь, Пит. Если тебя всё равно засылать будут. А нельзя сделать так, чтобы туда, пораньше. Чтобы его вообще, нахрен, в младенчестве ещё удавить. Чтобы он, сука, вообще ничего не написал. И няньку эту его, Арину Родионовну, сказочницу хренову. Это тебе, сколько пацанов спасибо скажут.

- Ага, - говорю, - вас забыли спросить.

А тут Сека:

- Двадцать копеек - гони.

И как даст мне в ухо.

Тут я и проснулся.

Доспался. Чувствую, пора с этим кончать.

Но, если честно, к тому времени нас это уже мало занимало... Тут такая удачная ситуация сложилась... Родители Леры уехали на дачу, и квартира осталась совершенно пустой. И все наши мероприятия по спасению Пушкина как-то само собой из сквера переместились в Лерину квартиру.

А там как-то Пушкин отошёл на второй план. Совсем не до него стало. Хорошо нам, просто отлично, было и без Пушкина.

Оба молодые были. Месяц май. Белые ночи. Квартира без родителей. Тут уже не до Пушкина.

Достаёт и ставит на проигрыватель пластинку.

«Каникулы любви» - «**Koi-no Bakansu**» - самый популярный хит семидесятых. И начались у нас с Лерой свои каникулы любви.

Спасибо Александр Сергеевичу.

По большому счёту, это я ему должен был быть благодарен. Если бы не он, в смысле, не его спасение, то может, и не было бы ничего у нас с Лерой.

А тут и время подошло, в армию идти. Страшно не хотелось. Да кто ж спрашивал?

Я, дурачок, у Леры допытываюсь:

- Ты меня ждать будешь?

Ну, как-то так вроде заведено, что солдата кто-то ждать должен.

Она рассмеялась.

- Конечно же...нет! Да и зачем? Лучше уже не будет.

Тем и кончилось наше спасение Пушкина. Потом-то я понял, что Лера была права. Как в воду смотрела.

А на прощание она нарисовала и подарила мне картину: Михаил Питунин, это – я, спасает камер-юнкера Пушкина.

Там почти, как на картине «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккеренъ 27-го января 1837 г. рис. Коверзневъ, грав. Герасимовъ».

Только Пушкин не лежит, а стоит – целый невредимый. А перед ним - я. Вроде как защищаю его от пули, как Матросов. Даже уже защитил и падаю. А Пушкин - вот он, целёхонек. С удивлением смотрит на меня и даже пытается поддержать, чтобы я не упал.

Хорошая картина получилась. Мне понравилась. Жаль Дубасов не видел.

Тем у нас с Лерой всё и кончилось. И больше мы никогда не виделись.

Вот всё-таки правильно я выбрал техникум для учёбы. Окончательно мне это стало понятно в армии.

Не успели построиться, как слышу – кричат:

- Киномеханики есть?

Я - бац! Шаг вперёд. И остался при клубе с его двумя раздолбанными аппаратами модели КН-15. Не самая плохая техника. И уж всяко лучше, чем ходить строем и получать тычки от стариков.

Служу себе потихоньку. Кино показываю. Радиоузлом заведую.

Про Пушкина, как-то само по себе и забылось. Уж в армии-то, думаю, наши пути не пересекутся. Кому он тут на хрен сдался? Не тут-то было...

Вызывает меня как-то замполит и говорит:

- Слышь, Питунин. Ты тут вроде один среди этих чурок более не менее нормальный.

Это он к тому, что у нас в части вся последняя партия - сплошь из южных республик.

Замполит продолжает:

- Питунин, ты хоть помнишь, что через два дня 7 ноября? Годовщина революции.

- Помню, - говорю.

Сам, конечно, ни фи́га не помню. Помню только, что мне ещё полтора года до дембеля. А остальное мне по барабану.

А он:

- Надо бы это... как-то поторжественней отметить. Ты Пушкина любишь?

Ну, я так уклончиво ответил:

- Я в 69-й школе имени Пушкина учился.

Замполит сразу повеселел.

- О, - говорит, - значит, прочтёшь нам его стихотворение про декабристов. Ну это... помнишь... Во глубине сибирских руд, храните...храните...чего –то там...терпенье... Как там дальше?

А откуда я помню? Я в школе так и не смог его целиком выучить.

- А почему я? – спрашиваю.

- А кто ещё? Мамедов? Он по-русски не то, что читать - говорить толком не умеет.

И потом так подозрительно:

- А ты что, Пушкина не любишь?

Ну что тут скажешь? Я ещё со школы знал, что любимый поэт – Пушкин. Композитор – Чайковский. Ну а художник – либо Саврасов, что грачей рисовал, либо - Репин.

Делать нечего. Пошёл в библиотеку. Два дня ходил: бу-бу-бу... бу-бу-бу... Во глубине сибирских руд...

Вроде чего-то выучил. Да только понимал, что зря всё это. Что будет опять, как с «Евгений Онегиным». Выйду и всё забуду. Потом я уже узнал: актёрский зажим это называется. И что теперь делать? Про сотрясение мозга ему рассказывать? Это же армия. Кому тут на хрен твоё здоровье интересно?

Седьмого ноября!

Торжественное построение. Потом праздничный обед. Потом все в клуб. Лекция и кино - «Ленин в октябре». Хорошая программа, если бы ещё не надо было читать про декабристов.

Замполит вышел на трибуну. Морда красная. Уже принял. Начал всякую фигню про достижения партии и правительства.

Все сидят – скучают. Вдруг, смотрю, оживились. А скоро и вообще в покатуху ржут.

Прислушиваюсь.

А это наш замполит решил отметить в докладе, что по выходным каждому солдату стали давать на завтрак по два яйца.

- Вот вы службу служить не хотите. А партия отрывает для вас от народа последние яйца.

Оживление. А тогда, действительно, с яйцами напряг был. Впрочем, как и со всем остальным.

А он дальше развивает:

- Партия делает всё, чтобы каждый воин хоть раз в неделю мог съесть свои два яйца.

Народ уже со стульев валится.

Замполит чувствует, что чего-то не так. Не по содержанию, а по форме.

И под конец выдал:

- Смотрите, если узнаю, что кто-то вместо того, чтобы жрать свои яйца, жрёт яйца молодых...

В первый раз слышал, чтобы доклад про достижения партии и народа пользовался таким успехом.

Наконец, окончательно запутавшись с этими яйцами, - решил, что пора выпускать меня. Так сказать, гвоздь программы.

- А сейчас, - говорит, - рядовой Питунин прочтёт стихотворение Пушкина про декабристов.

А потом как заорёт:

- Встать!

Я аж испугался. Это что же, думаю, он хочет, чтобы меня все стоя слушали? Но нет. Обошлось. Это вроде как для дисциплины. Пару раз встали-сели. Успокоились. Готовы к восприятию про декабристов. Мой черёд. Стою. Молчу. Ни фиги не помню. Как тогда, с «Онегиным». Но я уже и не удивляюсь. В принципе, я ведь знал, что так оно и будет. Ещё, думаю, минутку постою и пойду. Пошли они все...

Кто-то уже прикалываться начал. Замполит глазами зыркает. А мне по барабану... Совсем уже собрался уходить, но тут замполит как гаркнет:

- Читай, мать твою! Хоть что-нибудь читай! Сгною!

А-а... Ладно, думаю. Если «хоть что-нибудь». Будь, что будет...

- Пушкин, - говорю, - был очень маленького роста.

Тут кто-то:

-Чё? Меньше Мамедова?

- Ну, - говорю, - не больше. И страшный. Все его обезьяной называли. Да он и сам так про себя шутил.

Краем глаза вижу: замполит заёрзал. Нервничает. Да, только мне плевать.

- Но при этом женщин у него было - немерено.

Смотрю - затихли. Заинтересовались. Особенно Мамедов. Продолжаю:

- Он, когда на своей Наташке женился, то так ей и сказал: ты, говорит, у меня сто тринадцатая. Ходок был, каких мало.

Вздых одобрения. Чувствую, проникается аудитория интересом к личности Пушкина.

- Вот почему так, - спрашиваю, - страшный, маленький... А любая была готова с радостью ему дать!

Все сидят глаза вытарасили. Даже замполит притих.

- Потому что, - говорю, - секрет знал.

Мамедов не выдержал:

- Какой такой секрет?

Все опять заржали. Но по всему видно, вопрос интересен не только Мамедову.

- Пушкин, - продолжаю, - знал, что женщины любят ушами. И важно, Мамедов, не то, как ты выглядишь, а то, что ты ей говоришь.

- Вот была, - говорю, - в Петербурге одна красавица. Ну, самая-самая... Все её хотели. Там такие мужики крутились: графы, князья, гусары под два метров ростом. Ну, ясное дело, и Пушкин - тут как тут. От горшка два вершка, страшный... А туда же. Его и не видно там, за этими гусарами. И что вы думаете?

Мамедов аж ахнул:

- Неужели дала?

А меня уже понесло.

- Подходит, - говорю, - как-то она к Пушкину и просит написать чего-нибудь в альбом. У них тогда у каждой барышни был свой альбом. Типа, дембельского. И они туда всякие стихи, рисуночки собирали. Фоток-то ещё не было.

Ну, Пушкин для приличия поломался. Чтоб раззадорить. А потом, конечно, написал. Такое написал, что всем этим князьям и гусарам после него нечего ловить.

И выдал свою коронку. Это-то я крепко знал.

*Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей...*

Ну и так далее... Читаю, а сам Леру вспоминаю. Душевно так прочёл. Никто, конечно, ни хрена не понял.

Но слушали. Хорошо слушали. Чёрт их знает, почему они слушали. Может, представляли себя на месте Пушкина. Или наоборот: как она потом Пушкину... Разве их поймёшь? Они ведь по-русски половина почти не разговаривают. Короче, полный успех. Кто-то даже хлопал.

Потом подлетел ко мне замполит. Орёт:

- Ты чего творишь, Питунин! Ты чего забыл, какой сегодня день? Седьмое ноября. Годовщина революции! Мать твою... А ты про блядей! Седьмого ноября! Где декабристы?

Где, где... Сказал бы я ему где.... А то он, тридцать лет в армии, – сам не знает.

- Виноват, товарищ подполковник.

Глядишь, оно бы всё и обошлось. А тут он возьми и спроси:

- Может она хоть это... женой декабриста была? В Сибирь потом пошла?

Не знаю, чего на меня нашло? Позлить его хотел. Возьми, да и ляпни:

- Сукой она была последней, товарищ подполковник. Может через неё Пушкин и погиб.

- Так чего, - спрашивает, - он её не отодрал?

- А хрен её знает, товарищ подполковник. Загадка литературоведения, - говорю.

Замполит как заорёт:

- Твою мать! Седьмого ноября! Питунин, десять суток ареста!

Потом ещё грозил, что в роте сгноит... Короче, тот ещё праздник получился.

Но вот, что странно.

Вот сидел я эти десять суток. Сидел, вроде как, из-за Пушкина. Но почему-то впервые в жизни не испытывал к нему никакой неприязни. А даже - и наоборот. Получается, как вроде мы с ним на пару всех уделали. Особенно замполита. И стихи эти, кстати, потом вся рота списала.

На самом деле, никакой особой загадки литературоведения тут нет. Да и наврал я тогда замполиту. Так просто, чтобы позлить. Да простит меня Елена Завадская. Это - которая «Все в ней гармония, все диво...». Она-то как раз ни при чём.

Но и сука - тоже была. В самом деле, когда про суку, - это я другую имел в виду.

Идалию Полетики.

Как знать, может, если б не она, так и не было бы той роковой дуэли.

Во всяком случае, 27 января.

Вот, спрашивается, за что она так ненавидела Пушкина?

Неужели за ту историю с альбомом?

Достала она как-то Пушкина: напишите, да напишите что-нибудь в альбом. Ну, тот для приличия поломался, а потом и написал. Все читают, нахвалиться не могут. Хозяйке - приятно. А тут кто-то, возьми, да и обрати внимание на

дату под мадригальчиком. Первое апреля! А на дворе совсем не апрель месяц. Типа, всё выше написанное – шутка, неправда и полная фигня. Прикол такой.

Ну, вот какая женщина такое простит? Особенно в салонах Петербурга.

Уж точно не Идалия!

А может, там ещё что-то было, посерьёзней. Даже наверняка было.

Ехали они как-то вместе с Пушкиным в одной карете. И, один бог знает, что у них там такое произошло. И что там такое Пушкин сделал. Может, ляпнул чего не то, может - за ножку схватил, а может и чего похуже...

Озорник был «наше всё». И уж больно до дам охочий. Но что-то там в этой карете стряслось такое, чего Идалия ему по гроб жизни не простила.

А папаша её, граф Строганов, у себя в дневнике потом написал: «преступник наказан». О, как! Преступник! Чем же так Пушкин не угодил семейке?

Но это уже нам вряд ли когда узнать.

А достоверно известно одно: большего врага у него на то время не было. И отомстила она Александру Сергеевичу по полной.

Можно спорить, кто там стоял за дипломом рогоносцев, который послали Пушкину. Типа, поздравляем: вы теперь полноправный и почётный член нашего общества. Выше рога, товарищ! Были тому виной масоны или «голубые»? Или – просто дурная шутка обдолбанных кавалергардов...

Но первую дуэль, точно Идалия подстроила.

Пригласила к себе жену Пушкина. Наталью Николаевну. Ну, это нормально. Чего ещё было делать в те времена? Визиты наносили целыми днями. Но пригласила она не только Наташку, но ещё и Дантеса. А сама взяла и свалила из дома.

Наташка припёрлась, а там - нате вам из под кровати, - Дантес!

Заманили дурочку. Будете знать в другой раз Александр Сергеевич, как над дамами прикалываться.

Что там было – ещё одна загадка литературоведения.

Но якобы, всё обошлось. Побегал Дантес вокруг Наташки с пистолетом. Поугрожал прямо тут себя кончить, от несчастной любви. Но не кончил. Может, не успел. А может, помешал кто. А может, и не очень хотелось.

Тем и кончилось.

Тем и могло кончиться.

Да только дошла история до Пушкина. Тот, недолго думая, за перо и давай строчить вызов. А что оставалось делать? И плевать ему уже было: и на предсказания, и на белого человека...

Но на первый раз обошлось. Папашка Дантесовский, барон, уж очень боялся любовничка потерять. Прибежал к Пушкину, да так, потихоньку, потихоньку и отмазал сыночка.

Это, говорит, он не за вашей супругой ухаживает, а за её сестрой, Екатериной. А Наталья Николаевна тут и не причём. И в подтверждение он, мол, даже согласен на этой сестре жениться.

И женился ведь.

Никто вообще ничего не понял. Одна только Катька, Наташкина сестрица, вроде как осталась довольна. Та ещё красавица была. Да и лет уже не мало.

Вроде – всё! Проехали. Кончено. Родственнички. Радоваться надо: в квартире больше места стало. Съехала уже хоть одна сестрица. Пусть оно ещё и не как у Райкина. Но всё свободнее...

И вдруг, нате вам! Опять всё с начала. Да так стремительно завертелось, что никто и охнуть не успел.

Ровнёхонько через две недели после женитьбы – повторный вызов. А через два дня – уже и пистолеты пошли в ход.

Вот ведь какая странная штука судьба:

А не попроси Идалия написать ей в альбом... А не поставь он там 1-е апреля... А не окажись они вместе в одной карете...

Может оно бы всё и обошлось. По крайней мере, на этот раз.

А после армии жизнь пошла какая-то совсем скучная.

Вкалывал на каком-то заводе. Ну, женился. Квартиру купил кооперативную, где-то в жопе. На Комендантском. Для меня, после Петроградской, это как на другой планете оказаться. Лунный пейзаж - и то краше. А потом вообще фигня какая-то: перестройка эта долбанная...

Правда, поначалу вроде неплохо пристроился. Я тогда фотографом работал в ателье рядом со станцией метро Василеостровская. Аккурат угол Среднего и 7-й линии. Так я это ателье под перестроечный шумок приватизировал.

Сначала всё было хорошо. Видеосалон открыл, а следом и вовсе комиссионный магазинчик. Место-то какое! Метро! Но нашлись ребята, которые поняли не хуже меня, что это за место. Пришли. Объяснили популярно. Пришлось делиться. Потом ещё. Потом опять. А потом уже и делить нечего было...

Короче, ещё хорошо выскочил. Могло быть и хуже, Но с магазинчиком пришлось попрощаться. Зато цел остался. Для девяностых - редкая удача.

А потом и всё остальное сыпаться началось. Жене надоело, что я без дела целыми днями дома торчу. Подала на развод. А я и не возражал. Мне уже всё пофиг было.

А тут новая беда: мамы не стало. И получилось, что квартира на Рентгена вроде как опять моя. Живи - не хочу. Так я опять перебрался на Петроградскую.

Но... Рентгена уже не та.

Раньше наш 23-й дом последний был. И улица была не проездная. Теперь деревянные мосты через Карповку и Большую Невку снесли, а вместо них построили новые - каменные. Движение по улице пустили.

Но Гренадёрские казармы не тронули. Стоят. Памятник архитектуры. Там, как и раньше - моряки. Штаб у них там какой-то.

И часовой стоит на проходной. Как и двадцать, как и тридцать лет назад. Как тогда, когда я ещё был маленьким мальчиком и боялся один оставаться дома. Но вот выйдешь на балкон, а оттуда виден часовой Гренадёрских казарм. И сразу становится не страшно. Потому что кажется, что он тебя охраняет.

Даже, если и не тебя. То всё равно - вот он. Рядом.

И от этого становилось очень спокойно. Настолько спокойно, что даже одному дома не страшно.

И было мне там, на Рентгена, спокойно и не страшно. Как будто и не было всех этих лет. И вот она, в двух остановках, моя 69-я школа имени А. С. Пушкина.

Правда, там теперь не школа, а какое-то ПТУ долбанное. Козлы. Даже обидно мне стало за Александра Сергеевича. Всё-таки бывший Царскосельский лицей. Хотя, кому сейчас до этого дело?

Из дома я почти не выходил. Да и что там делать? А тут как-то осмелел и пошёл прогуляться. По привычке в сторону метро. В принципе, рядом. Две остановки. Или, если на прямую, через Первый Медицинский, то вообще пять минут.

Площадь Льва Толстого. Спасибо - не переименовали. Дворец культуры - бывшая «Промка». Подземный переход. Лотки, киоски... Книжный лоток.

Стою, смотрю...

Так просто, из любопытства. Чего только нет! Обложки – яркие. Журналы с голыми девками. Господи! Да мы бы за такие журналы 20 лет назад... Хрень всякая: детективы, фантастика... Даже «Майн кампф» есть. Приехали. Хайл Гитлер!

Продавец – услужливый такой. Заметил, что человек интересуется.

Спрашивает:

- Что-нибудь ищете?

Неловко сказать, что я так просто стою. И вот не знаю, чёрт меня дёрнул...

- А у вас, - спрашиваю, Пушкина нет?

Вот зачем брякнул? И человека в неловкое положение поставил. Ну откуда у него Пушкин? На хрен он тут кому сдался? Да и мне, если честно...

- Что? - переспрашивает.

Делать нечего. Надо идти до конца.

- Пушкина, - повторяю, - нет?

Смотрю, мужик напрягся. Изучает. Типа, прикалываюсь я или просто - конченный придурок.

- Нет, - отвечает. - Всё, что есть – на прилавке.

- А что так? - спрашиваю.

Мужик ещё раз меня оценил. Чувствуется, что терпение его кончается. Но пока не грубит.

- Нет спроса, - говорит.

Вот оно как! Я ведь раньше думал, что Пушкин только нам с Дубасовым на хрен не нужен. А вон оно как повернулось. Он - вообще, оказывается, никому не нужен. «Нет спроса». И мы с Дубасовым тут ни при чём. И то хорошо.

Стою. Не уйду. Чувствую, что нарываюсь. Но продолжаю:

- Что, вообще никто не интересуется?

Нарвался. Слышу откуда-то сзади:

- Проблемы?

Дождался.

Оборачиваюсь. Смотрю, стоят: Сека с Витьком!

Мужик сразу засуетился. Заподличал. Конверт из под прилавка достаёт и Секе суёт. Точно, как я, когда у меня магазинчик на Василеостровской был.

- Да вот, - показывает на меня, - мешает работать...

Сека ко мне так оборачивается:

- Мужик, у тебя - чё, проблемы...

И тут он меня узнал!

- Пит! Ты чего тут?

- Да вот, - говорю, - книжку хотел купить... Здорово, Сека.

- Здорово, - отвечает. - Так в чём проблема? Так возьми. Тебе какую?

Мужик нас слушает. Скуксился. Мне его даже жалко стало. Ну что он виноват, что Пушкин никому не нужен.

- Да тут нет, - говорю. - Нет, чего я хочу. Ладно. Всё путём. Проехали.

Но Сека уже завёлся.

- Чё значит, нет? Ты чё хотел?

Делать нечего. Вдохнул поглубже...

- Да, - говорю, - Пушкина хотел купить.

Сека сначала так на секунду... Только на секунду оторопел, но потом надо отдать ему должное, собрался. Боец.

- И чё? - спрашивает.

- Да, нету, - отвечаю. - Бог с ним. Проехали.

Но не для Секи.

Ты чё? – это он уже мужику. - У тебя, чё? Пушкина нет?

И опять ко мне:

- Ты ему сказал, что мы в 69-й учились?

- Не успел, - говорю.

Сека на мужика так палец наставил.

- В общем, так... С тебя для начала штраф. Штука сверху. А завтра, вот тут вот, не будет лежать Пушкин - счётчик включу. Понял, сука?

Мужик оказался понятливым. А куда ему деваться? Я и сам таким понятливым когда-то был. Потому и жив остался. Я уже хотел по-тихому слинять. Но не тут-то было.

Сека меня за рукав держит, не выпускает.

- Слышь, Пит, а клёво ты это придумал с Пушкиным. Давай так: мы сейчас все точки по линии прошерстим. Ты – первый. Типа, где Пушкин? А потом – мы с Витьком. Штраф и счётчик.

Ну что тут скажешь? Предложение, от которого невозможно отказаться.

Поехали. Сначала я: Пушкин есть? Потом Сека с Витьком. Всё по плану: штраф и счётчик. До шести вечера катались. Если честно, мне даже азартно стало.

- Где Пушкин? Мать вашу? Где наше всё? Продали, суки, Россию с лотка. Блядьми голыми только и умеете торговать!

А тут и Сека с Витьком :

- Вы чё? Пушкина нет? Да мы в 69-й...

Штраф и счётчик.

Развлеклись, одним словом.

Под конец мне Сека такую солидную стопку отсчитывает.

- Держи. Твоя доля. Честно заработал.

А потом вообще, в бригаду звал. «Нам, - говорит, - люди с идеями нужны».

Я бабки взял. Телефон взял. Пообещал подумать. А чего тут думать?

Забавно мне стало. Что кроме нас с Секой у Пушкина больше защитников не нашлось.

Я на следующий день, так, чисто для любопытства, по ветке проехал. И что вы думаете? У всех на прилавках по томику Пушкина лежит. Правда, не новые. Свои, наверное, из дома принесли. Или в библиотеку сгоняли. Не важно. Но почему-то мне за Пушкина стало радостно. Почти, как тогда, когда я сидел из-за него десять суток на губе.

Пушкин – Forever!

Так наши пути вновь пересеклись.

На прощание Сека поинтересовался:

- Ты всё там же, на Рентгена живёшь?

Вот как он помнит?

- Живу, - говорю.

- Один что ли?

- Один...

- Ну, так я к тебе, если, что, заскочу.

Вот на хрена он мне сдался?

И точно: через пару дней звонок в дверь. Сека с Витьком.

- Привет.

- Привет.

- Что так бедно живёшь? Почему не ремонтируешь?

- А на фига?

- Дороже квартира будет стоить.

- Да я, вроде, не собираюсь продавать.

- Как знать... Как знать... Чё, правда один живёшь?

Вот чего спрашивается приходили? И ведь не раз. Но потом пропали. Может, убили их? Нынче это - проще простого. Не то, что раньше. Раньше, если вы действительно хотели кого-то убить, то надо было потратиться на хороший пистолет.

Достаёт дуэльный пистолет.

Вот он. «Лепажка стволы роковые...»
Вообще-то, правильно - Ле Паж. Раздельно. Жан Ле Паж. Лучше него тогда никто пистолетов не делал.

*«Вот пистолеты уж блеснули,
Гремит о шомпол молоток,
В граненый ствол уходят пули,
И щелкнул в первый раз курок.
Вот порох струйкой синеватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремль
Взведен еще...»*

Бой часов.

Три часа дня. Данзас, выражаясь его словами: отправляется сделать нужные приготовления. Нанимает парные сани и оправляется в оружейный магазин Куракина за пистолетами. Эти пистолетики Пушкин ещё раньше присмотрел. Пришлось Александру Сергеевичу ради такого дела столовое серебро заложить. Дуэльный пистолет – такая штука: в долг никто не даст.

Из такого, как мой, кремневого, стрелялись Онегин с Ленским. А Пушкин с Дантесом уже использовали капсульные.

Вроде – ерунда. Но разница на самом деле огромная. Капсульный пистолет практически никогда не давал осечки. Да и не страшны ему были ни снег, ни дождь. Хорошая штука для убийства. Тут никакого столового серебра не жалко.

Диаметр пули – двенадцать миллиметров. Это, между прочим, 45-й калибр. Как у Клинта Иствуда в фильме «Грязный Гарри». Помните, он там со здоровенной такой пушкой ходил? Больше и не бывает.

И штука не менее убойная. Если только попадёт.

Этот я купил в антикварном магазине. Дорогая игрушка. Но самое важное - стреляет. Проверено. Надо только правильно зарядить.

Начинает заряжать пистолет: засыпает порох, загонет пыж, потом пулю...

Переехал я после развода назад, на Рентгена. Полез как-то не помню уж зачем на антресоли, и вдруг... Ё-моё! Среди всякого хлама, - смотрю, батюшки! Рисунок Леркин: «Михаил Питунин спасает камер-юнкера Пушкина».

И неплохо сохранился. Потом даже увеличил, распечатал и повесил на стену. Понастальгировал: как мы тогда с Лерой Пушкина спасали. Хорошие были времена. Ведь чего только не придумали?

А чего ещё можно было бы придумать?

И так незаметно для себя начал потихоньку чего-то про Пушкина читать.

Теперь-то времена другие. Интернет. Не надо никуда ходить. Всё равно целыми днями дома сидел. Время – всё моё... Жаль, в наше с Лерой время не было интернета. Много всякой полезности можно узнать.

Вот, например, попалась мне небольшая статейка про Лермонтова.

Нет, Лермонтова я спасать не собирался. Пусть этим занимаются учащиеся школы имени Лермонтова. Есть, наверное, и такая.

Но факт биографии примечательный.

Лермонтова, как известно тоже на дуэли убили. Да и на Кавказ его сослали, кстати, из-за дуэли. И вот возвращается он как-то из отпуска со своим дружкой и родственничком Алексеем Столыпиным. Дорога им прямая в полк.

Предписание у них яснее ясного: вернуться в полк. Точка. А Лермонтов говорит:

- Слушай, а давай заедем ненадолго в Пятигорск. Типа, потусуемся... Хотя, конечно, чистой воды «самоволка».

А тот:

- Да, нет... В полк надо... Служба...

Молодец.

Лермонтов возьми да и предложи:

- А давай, монетку бросим. Решка – едем на воды. Орёл – в полк.

Вот так вот: сам загадал, да сам и монетку бросил.

Выпала решка.

Ну а потом известно. Меньше, чем через два месяца дуэль и погиб ещё один «невольник чести».

А выпал бы орёл?

Вот я всё и думал: где та роковая монетка в судьбе Пушкина, которая легла не той стороной?

Вот, поди, знай, где началась та трагическая цепь случайностей, которая погубила Пушкина?

В салоне у Идалии?

А может раньше - в захолустной гостинице, где застрял поиздержавшийся Дантес?

Или, когда подвыпивший кузнец плохо закрепил колесо кареты Геккерена?

Или, когда папаша Гончаров, промотал состояние, так что дочери остались без приданного? Ведь год к ним сватался Пушкин. Год не давали ответа. Всё ждали: может, появится кто другой, повыгодней. Не дождалось. А если бы - дождалось? На ком бы тогда женился Пушкин? И чтобы тогда было?

Заканчивает заряжать пистолет.

Всё. Достаточно взвести курок и можно стрелять.

Скоро четыре пополудни.

Пушкин и Дантес встречаются в кондитерской. Сейчас Пушкин выпьет стакан лимонада, и они отправятся на Чёрную речку.

Пожалуй, пора и мне.

Прячет за пояс пистолет. Надевает сверху длинное пальто.

В открытую ходить с такой штукой, хоть и антикварной, - не рекомендуется. Да и сюртук, покроя первой четверти девятнадцатого века – не лучший наряд. Хорошо сейчас зима. Накинул пальто - и все дела.

Им тогда был только один путь на Чёрную речку: наискосок по льду через Неву к Кировскому, ну, тогда-то Каменноостровскому. А там всё время прямо, к островам.

А мне надо сначала добраться до метро. До Петроградской – всего две остановки, но если пройти через корпуса Первого меда, то выйдет быстрее. Максимум пять минут. А там – прямая ветка, без пересадок, всего одна остановка и Чёрная речка.

Мне-то быстро. А им ещё до неё ехать и ехать.

А пока не доехали – был, был ещё шанс у монетки лечь нужной стороной. Почти в самом начале, на Дворцовой, встретили возок с Натальей Николаевной. Должно быть с визитом куда ехала. Говорят, подслеповата она была. Ах! Не углядела муженька!

Да она не подслеповата, а натурально – косая была. А туда же – красавица! А он, типа, в другую сторону смотрел.

Нет, чтобы крикнуть:

- Наташка! Жёнушка моя!

Остановились бы. Поболтали... Может оно всё по-другому и сложилось....

Но, разъехались.

Не судьба.

Но и не упала, не легла ещё монетка окончательно. Летит, кружится в воздухе.

Навстречу им народ с катаний едет. Все назад, с островов, а он – туда. А что там делать в такое время? Глядишь, кто и спросит. А там слово за слово...

И ведь встретили...

И ни одного, и не раз. Остановились. Поболтали. Да и дальше поехали, каждый своей дорогой. Вот чтобы кому спросить: «Ну, что, брат Пушкин... А чего это у тебя там в ящике? Не пистолеты ли?» Не спросили... А ведь Данзас специально их ронял. Думал: может, кто спросит?

Или... Или ещё что могло случиться... Им – вон ещё сколько ехать. А я почти добрался. Осталось только немного пройти пешком.

На станции Чёрная речка надо выйти из метро и идти налево через площадь в сторону улицы Савушкина. Там по светофору на другую сторону, сворачиваем направо, через метров тридцать – ещё светофор. Переходим дорогу и всё – вы на набережной Чёрной речки. Почти пришли. Это сейчас тут чуть не центр города. А тогда – глушь, да окраина. Специально такое место выбирали, чтобы никто не мешал.

Ну что? Всё? Конец?

Вот она – Пушкинская речка? Ну что ещё может случиться? Разве что, чудо. Вот приедут они туда, а там наряд жандармов. А почему бы и нет?

Легенда гласит, что начальник третьего отделения Беккендорф якобы послал жандармов. Да вот незадача! Не в ту сторону. В Петергоф их чего-то понесло. И с чего бы это? Кто ж в Петергофе-то стреляется?

А ведь сказал ему Николай – не допустить! И что?

Хрен через плечо!

Может и правда пишут, что Беккендорф масон был? И неспроста жандармы остались в каптёрке водку пить? Порядка, конечно мало было. Беккендорф ведь при Николае, вроде, как Берия у Сталина был.

Вот сказал бы Сталин Берии:

- Товарищ Берия. Надо сделать всё, чтобы поэт Пушкин, который – «наше всё», – ни с кем не стрелялся. Вы там повнимательней проследите...

Уж можно не сомневаться – проследил бы. И жандармы бы поехали куда надо, и когда надо.

Но - опять не легло.

Но и не окончен, нет, не окончен ещё полёт той монетки... Есть, остаётся ещё последний шанс. Вот такусенький: время.

Пять вечера, в Питере зимой – почти сумерки. Ну, если и не сумерки, то вот-вот начнёт темнеть. Поздно баре стреляться выбрались.

Вот и сейчас уже зажгли фонари, а когда горят фонари, то всегда кажется темнее, чем на самом деле. Вон, и мост уже почти не виден.

Надо перейти по мосту на другой берег, там для ориентира на углу Макдональдс. Мимо не пройдёте. А потом, если стоять спиной к реке, идти налево. Первый перекрёсток - Ланское шоссе. А вот на втором нужно повернуть направо и идти по Коломяжскому проспекту до железнодорожного переезда.

Действительно дрянь погода. Градусов пятнадцать-двадцать. Почти, как тогда. Ветер с моря дует такой не слабый. Место открытое. Только три берёзки и стоят. Да толку с них.

Вот они подъехали. А надо ещё место выбрать. Утоптать снег. Барьеры отмерить. Опять-таки, по колено в снегу.

Это сейчас здесь асфальт и переезд. Переходим через него, немного ещё вперёд и справа сразу увидите небольшой сквер. Ориентир - напротив «М-ВИДЕО».

Там в центре и увидите стеллу...

Место и по нынешним временам глухое. Дрянь место. Самое подходящее место для убийства. Что тогда, что сейчас...

Могли бы ещё секунданты, между прочим, и побазарить: типа, а не желают ли господа помириться и прочее... Пусть и без толку, но время то идёт... Позёмка метёт, солнце садится. На повторные выстрелы, дойди до них дело, уж точно бы не хватило времени.

Но не дошло до повторных выстрелов.

Да и уговоров не было.

Как раз хватило времени отмерить десять шагов, да секундантам зарядить свою пару пистолетов.

К барьеру!

Вот и всё.

Дзинь!

Кончился полёт монетки. Исчерпаны все повороты судьбы. Осталась только одна прямая и пять шагов до барьера.

Пушкин тянуть не стал. Быстро прошёл свои пять шагов... Как тогда, с полковником Старовым в камышах. Как тогда, когда черешни сплёвывал... Может, хотел по привычке оставить за собой последний выстрел. Может хотел подпустить поближе... Чтобы потом уже наверняка...

Да только Дантес ближе не пошёл. Пальнул, одного шага не дойдя до барьера. Дальше – известно.

Пуля в живот на уровне бедра.

Пушкин падает. Пистолет летит в снег. Все к нему бросаются. Но он хочет стрелять.

- *Attendez! je me sens assez de force pour tirer mon coup.*

Я, говорит, могу стрелять.

Ну всё, как на картине.

Дураки мы были с Дубасовым, когда думали, что Пушкин промазал. Ни хрена он не промазал. Он сделал, может быть, лучший выстрел в своей жизни. Он целился почти две минуты.

Две минуты!

Это как же он хотел попасть. Понимал, второго шанса не будет.

Ветер, мороз минус пятнадцать. Из него кровяца хлещет... А он две минуты целится!

Попробуйте на минус пятнадцать голой рукой подержать в руке пистолет две минуты. Дантес стоит боком. Руку, сука такая, в локте согнул, пистолетом прикрылся. Но это по правилам. И куда здесь стрелять?

Наконец выстрелил.

Попал.

Отлично попал!

На уровне груди. Простелил ему руку, которой он прикрылся. И если бы не стрелял он почти лёжа, снизу, так, что пуля летела под углом, - вошла бы она, как миленькая, ему в грудь. И уложила бы его прямо там.

Но, снизу он стрелял, почти лёжа. И пуля прошла через руку под углом, ткнулась в медную пуговицу, вот тут вот, на мундире, да и вместо того, чтобы полететь дальше, в грудь, - срикошетила об эту долбанную медную пуговицу и полетела совсем не туда. Совсем в другую сторону полетела. А пришей кто эту пуговицу на полсантиметра в сторону...

Чего говорить – хороший выстрел. Просто отличный. Только не повезло.

Хотя, какая уже разница: жив или нет остался бы Дантес? Чтобы это изменило? Он-то уже выстрелил. Ну, может, Пушкину не так обидно было.

Нам с Дубасовым так очень было обидно.

Вот ведь странная штука: не любили мы Пушкина. Сколько горя из-за него хлебнули... А почему-то всё равно обидно было за него. За Пушкина. Получается, что он вроде, как наш. Как в фильмах про войну. Наши – немцы. Дантес-то, кстати, больше немец был, чем француз. Вот и пойми тут.

Вот, в общем, и всё.

Время почти шесть. Темно уже. Пушкина везут в карете Дантеса домой.

И получается, так его никто и не спас.

А ведь столько было возможностей!

Вот окажись я там ...

Вот сколько мы тогда с Лерой всего придумали. И потом я уже и сам, сидя в одиночестве у себя дома на Рентгена.

Но, если честно, ничего путного так и не придумал. Разве что только, вот, вдруг! - окажись я там, - кинуться в последнее мгновение между ними. Как на картине: «Михаил Питунин спасает...». А что? Я-то точно знаю – когда.

Вот Пушкин делает свои пять шагов, но это ещё рано. И вот Дантес делает свои. Главное считать: три, четыре... А пятого не будет. Пушкин этого не знает, потому и ждёт, потому и не стреляет. А я-то знаю.

Сейчас.

Пора.

И чтоб голова на уровне пушкинского бедра. И пусть потом гадают: кто это, да что... Придурок какой-то выскочил... Одной загадкой литературоведения будет больше.

И пропади оно пропадом всё, что было в этой жизни. А что, собственно, было?

Детский сад? 69-я школа? Армия эта долбанная? Завод? Магазины на Василеостровской?

Что ещё? И что ещё будет? Да и будет ли?

Да уж лучше под пулю Дантеса. Всё бы больше толку.

Жаль. Жаль, что нельзя... Телепортация какая-нибудь... порталы времени... и прочая фигня. Жаль, что всё это так и осталось из области фантастики.

Жаль...

И всё, что остаётся - так это приходиться сюда раз в год, только для того чтобы убедиться: спасти камер-юнкера Пушкина - нельзя.

Да и зачем?

Ну, написал бы он ещё пару томов. Ну, может, восстановил или переписал десятую главу «Онегина».

А на фига?

Если на него «нету спроса».

На все книжные магазины Секи не хватит. И всех на счётчик не поставишь. А для школьной программы и так более чем достаточно написал, чтобы его все школьники страны возненавидели.

Так что: спасай его не спасай, а выходит – разницы никакой особой нет. И остаётся только приходиться раз в год на это место. Приходиться и думать: как же всё-таки хорошо было во времена Пушкина. Как это здорово, что была возможность вызвать вот так вот, сюда, любого гада, который тебе мешает жить. Совсем, как в песне ... «Три-четыре гада мешают жить, Три-четыре гада мне портят кровь ...»

Поставить на расстояние десяти шагов, и вкатить пулю диаметром двенадцать миллиметров.

Поднимает руку с пистолетом, имитируя выстрел.

Но кого я могу поставить напротив себя?

Соловьёва, который вместо меня без очереди в подъёмный кран играл?

Бах!

Заодно уж тогда и воспиталку из детского сада. Как же её всё-таки звали?

Бах!

Училку по литературе можно.

Бах!

Секу с Витьком.

Бах! Бах!

Замполита. Сука!

Бах!

Мамедова за то, что салаг дрючил.

Бах!

Козлов этих, которые у меня магазин на Василеостровской отобрали.

Бах! Бах! Бах!

Внезапно раздаётся звук настоящего выстрела. Герой хватается за бок на уровне живота.

Выстрел прозвучал так неожиданно...

Если бы не боль в боку, я, наверное, даже и не понял, что это – выстрел. Я сначала подумал, что это выстрелил мой пистолет. Но нет. Вот он мой. Заряжен.

А я даже и не удивился. Видимо внутренне я был уже готов к этому. И только одна мысль: неужели получилось? Ну, в смысле, телепортация... Это что же – я действительно спас Пушкина? Схлопотал его пулю?

И ещё подумал: прямо как на картине, которую нарисовала Лера. И ещё подумал: жаль, что она меня сейчас не видит.

А больше ни о чём подумать не успел, потому что внезапно раздался ещё один выстрел. На этот раз резануло где-то в районе левого плеча.

Почему ещё один?

Это кто же стреляет? Пушкин что ли? Что же он в своих?

А потом ещё. Но на это раз боли уже не было. Меня только развернуло. И к своему удивлению я увидел Секу и Витька. В руке у Секи был пистолет. Почему-то мелькнуло: «Неужели из-за 20 копеек?»

А потом я упал. Времени долго целиться, у меня не было.

Это действительно очень неудобно стрелять снизу. Когда ветер. И минус пятнадцать. И пальцы одеревенели и не гнутся. И что-то мокрое... Ну да... это кровь.

Секу уже почти не было видно. После пяти темнеет очень быстро. А может это потемнело у меня в глазах.

Голоса:

- Ну чего кончился?

- Щас посмотрим...

Потом различил какую-то тень.

Приближается.

Почему он идёт? Он же должен остановиться и стоять у барьера. Ждать пока я выстрелю.

Но он не остановился.

И тогда я выстрелил

Показалось, что кто-то упал. Или только показалось?

Помню, успел спросить: «Попал?» Почему-то по-французски. Совсем, как Пушкин.

Только никто не ответил.

Потом ещё успел почувствовать, как шарят по моим карманам. Вытаскивают документы. Ключи от квартиры...

Опять голоса:

- Сука, - руку поранил. Откуда у него ствол?

- Вроде, готов...

Что значит «готов»? Как это «готов»?

Потом куда-то потащили. Запихали. Потом вроде куда-то едем.

Куда?

Ах, ну да...

Это меня в карете Дантеса везут вместе с раненым Пушкиным...

...Так вот вы какой, Александр Сергеевич. А ведь мы с Дубиком вас не любили...

Что? Больно? Ничего... Надо немножко потерпеть... Сейчас приедет лейб-медик императора Николай Федорович Арендт.

Осмотрит рану...

Да только что на неё смотреть?

Ведь я-то знаю, что это - всё. Конец. Вот если бы у лейб-медика были антибиотики... Да только откуда у него антибиотики?

Так что, Александр Сергеевич, наша песенка, похоже, спета.

Что за песня?

Как? А вы разве не знаете? Ну, её же все пели. На каждом углу. «Каникулы любви». Самый популярный хит семидесятых.

У моря, у синего моря, где чайки плывут над волною...

Но мне больше нравилось на японском:

Тамэики-но дэру ё на

*Аната-но кутидзукэ-ни
Амаи кои-о юмэмиру
Отомэ гокоро ё...*

Звучит песня «Каникулы любви» (Koi-no Vakansu) в исполнении японского поп-дуэта The Peanuts, которая прерывается звуком выстрела.

КОНЕЦ.